

Пётр
Колесников

Назовёшь в Вологде имя Петра Андреевича Колесникова — и почти всякий улыбнётся, будто вспомнил что-то светлое из детства. Пётр Андреевич был профессором педагогического института, и несколько поколений вологодских школьных педагогов — его ученики.

Без профессора Колесникова невозможно и представить Вологду 1960–80-х годов. Тогда она была чем-то средним между большой деревней и университетским городком. Помню, я ещё не умел читать, когда полюбил книжные магазины, куда мы с дедушкой наведывались чуть не каждый день. Мой нос ещё с трудом дотягивался до прилавка, но запах новеньких книг в магазине подписных изданий уже казался мне самым прекрасным на свете. И тут же помню гусей в лужах, косцов на берегу реки, мохнатых лошадей-тяжеловозов и деревянные тротуары, сквозь щёлки в которых пробивалась трава.

Высокий, по-старинному учтивый и по-детски улыбчивый профессор был такой же приметой города, как пожарная каланча или старый тополь у пединститута. Он был своим человеком и для художников, и для полутрамотного мужика на перевозе. Вообще вологодское учительство, вышедшее в большинстве своём из деревни, не торопилось отделять себя от села. Оно смягчало нравы, вносило общинное солидарное начало в городскую жизнь. К учителю сходились сотни, если не тысячи человеческих нитей. Выпускник никогда не переставал быть учеником.

Многие в Вологде слышали, что Колесников после войны приехал из Саратова, где служил воспитателем в суворовском училище. Что до этого жил в Устюжне — это райцентр на северо-западе Вологодской области. Устюжну и считали его родиной, тем более что Пётр Андреевич постоянно писал об этом северном городке в своих краеведческих изысканиях и был его почётным гражданином.

До глубокой старости Пётр Андреевич никому не мог рассказать о том, что случилось с ним в детстве и отрочестве.

А родился Пётр Колесников на Кубани, дед его был станичным атаманом. Семья оказалась в эпицентре кровавой смуты. Навсегда сгинули дед, отец и все родные по линии отца. Мальчика спасло то, что в 1916 году он был отослан учиться в Ейск. Когда он приехал навестить дом, на его глазах шальной пулей была ранена мать. Она умерла на руках Пети.

Память об ужасах гражданской войны дала о себе знать в 1993 году. Тогда, в октябре, сразу после расстрела Белого дома, Пётр Андреевич писал мне: «...Несколь-

ко бессонных ночей. Я уже пережил одну Гражданскую, потеряв маму, близких и как-то сам уцелевший. Ещё одна, если начнётся, будет намного кровавее...»

В Ейске осиротевшего подростка приютила актёрская семья, не успевшая эмигрировать с отступающей белой армией. Таких людей на берегу Азовского моря остались тысячи. «Самые интеллигентные и беспомощные, — вспоминал о них Пётр Андреевич, — они не умели лезть по трапам, расталкивая ближних локтями...»

Первые свои деньги он заработал перепиской научных статей. Два года работал суфлёром в театре, потом давал уроки.

В начале 1930-х, когда репрессии добрались до Ейска, знакомые предупредили Колесникова об аресте и он, не заходя домой, отправился на вокзал и сел на поезд. На каждой станции ему казалось, что вот-вот его арестуют.

Он добирался до Вологды, скитается голодный по городу, чувствуя себя в ловушке, и вот выбредает к реке со своим чемоданчиком, к пристани, а там пароход вот-вот отходит. Куда — неважно, на последние гроши он покупает билет.

Пароход медленно идёт между лесных берегов, где густеет иван-чай, а молодой человек беспробудно спит двое суток, потом выбирается на палубу. Вечер, огни на встречных плотках, запахи рыбацких костров. Он видит девушку на корме, она примечает его. Солнечный удар, любовь! Всё, как у Бунина.

Только набрался храбрости, чтобы познакомиться с ней, как таинственная незнакомка приготовилась сходить на маленькой пристани. Вслед за ней сошёл на вечерний берег и Пётр Колесников.

Девушку встретили родные, и она растворилась в темноте. Колесников остался один посреди дороги.

К утру он вышел к столбику с прибитой дощечкой: «Шарья. Ревизских душ 50. 1858 год...» Этот потемневший от дождей столбик и надпись на ветхой дощечке произвели на молодого человека сильное впечатление.

Колесников стал учительствовать в деревнях Устюженского района, нашёл ту девушку с парохода, её звали Марьей Никифоровной, и она тоже оказалась учительницей.

Когда-то на Руси так было заведено, что человек, спасшийся от неминуемой гибели, не просто благодарил Бога, а давал обет: уйти в монахи, возвести храм, раздать своё состояние. Монастыри к 1930-м годам были закрыты, возведение храмов и раздача имущества также исключались. Оставалось одно: жить по совести там, куда тебя привела судьба.

И вот всё самое хорошее, что молодой учитель имел в душе, все способности своего ума — он посвятил Русскому Северу, истории северной деревни, укрывшей его от преследователей в 1932 году.

Спустя полвека о нём напишут в энциклопедиях: «Крупнейший знаток истории и культуры Севера России, руководитель Северного отделения Археографической комиссии Российской академии наук. Книга П.А. Колесникова “Северная деревня в XV — первой половине XIX века” вошла в золотой фонд североведения. Под его редакцией вышла в свет “История северного крестьянства” в двух томах...»

Судьба Петра Колесникова будто написана в помощь и надежду для впавших в уныние. Даже сухой листок со списком научных работ обнаруживает чудесные вещи. К примеру: социальное происхождение помешало Колесникову получить университетский диплом, но в 42 года ему вручают диплом о высшем образовании — сдал всё экстерном. Ни дня не учась в аспирантуре, защитил кандидатскую и докторскую. Стал профессором и почётным академиком Российской академии образования, будучи фундаментально образовавшим себя самоучкой.

Помню, как в девяносто первом году приехал в Вологду зимой в командировку и тут же вечером пошёл к Колесникову, так хотелось повидаться и посидеть немного в уюте.

— Заходите быстрее, не выпускайте тепла.

В кабинете профессора +10 градусов. Он сидит за столом в свитере и халате «времён Очакова и покоренья Крыма». Когда говорит — закрывает глаза. У него глаукома.

Мы засиживаемся до сумерек. Открыв глаза и обнаружив, что мы сидим в полной темноте, профессор включает свет. В люстре горит всего одна слабенькая лампа.

— А если эта перегорит?

— Выкручу из кухни... Что поделать, Митя! Мы переживаем период тёмного капитализма.

Как-то поделился со мной по телефону радостью:

— Митя, поздравьте меня, я нашёл уникальный документ — подворную перепись Архангельской губернии 1785 года. Из неё следует, что почти тридцать процентов мужского населения губернии было грамотным. Ни в одной из стран Европы не было такого уровня грамотности сельских жителей!..

Он очень верил в то, что хорошее и светлое в народе пересилит плохое и скверное. Подтверждение этому он находил даже в топонимике.

— Вы знаете, что такое аутотренинг? Он построен на слове. Так вот названия деревень — это аутотренинг народа. Этими названиями крестьяне пытались смягчить феодализм. Так потом они пытались смягчить коллективизацию и называли колхозы: «Весёлая жизнь», «Отрада»... В условиях нашего климата поддаться унынию — значит погибнуть...

Потом я рылся в его картотеке и выписывал для себя, как стихи, названия вологодских деревень: Алёнкино, Сестрилка, Золотогорка, Светлоликово, Колыбелька, Малышкино, Светилово, Скородумка, Красотинка, Серебрянка, Роднички...

«Дорогой Дима, жду встречи в Вологде. Написал книжку “Педагогические раздумья”. В ней клянусь все реформы школы, убивавшие школу. И сейчас деревню спасёт и возродит школа, причём именно начальная школа. Я принимался учительствовать в одноклассной школе (один учитель — все 4 класса). Тогда были школы почти во всех деревнях, сейчас, после “укрупнения”, их нет в целой округе. А деревню без школы люди неизбежно бросают...

Двадцатое столетие — это время сменяющих друг друга экстремальных периодов: от войн до сталинско-бериевского геноцида, когда вопреки, а не во имя Сталина, народ и интеллигенция творили чудеса, а в войну забывали обиды и шли защищать Родину. Слышу реплики — сам народ во всём виноват. Это кощунство. Он боролся всё время. Как же надо написать об этом, чтобы поняли ныне живущие эту правду?!

Возможно, я не прав. Но и мне даётся право думать собинно.

Всего доброго. И успехов новых. С уважением и просьбой извинить за сумбурность письма — П. Колесников».

Мне видится: где-то среди лесов, по ветхим каналам Мариинской системы плывёт белый пароход. От Алёнкино к Малышкино, от Малышкино к Сестрилке, от Сестрилки к Колыбельке...

Колёсный пароход «Колесников».